

НА ТРАДИЦИОННОМ балу у наследника присутствовал государь. Блистали эпюлеты, бриллианты, улыбки. Все было торжественно и чинно. Танцы, согласно регламенту, открылись пышным церемонным полонезом. Внезапно срочная депеша. «Седлайте коней, господа, — воскликнул Николай I, — во Франции объявлена республика!»

Разразились грозные события 1848 года. Необычайные вести поступали из расклевенного Парижа. На улицах баррикады. Король бежал в Англию... Казалось, все это происходило в другом мире, далеко от вицмундирного, военнобюрократического Петербурга. Николаевская система стремилась подавить всякую индивидуальность, все сравнять, заумеровать, выстроить во фронт. События в Париже все же вселяли смутную тревогу и опасения. Через не-

верх. Глядя на раскланивающихся актеров, Николай спросил: «В чем я еще видел этого комика?» Подобострастный голос подсказал: «Филатка и Миросика», ваше величество... В памяти промелькнул облик подвижного, юркого паренка в белобрисом парике, пестрядиновой рубашке, вроде бы глуповатый, но себе на уме, наивный, но норовистый. Он шел в солдаты. А когда запел залихватно, заунывно:

**Ах! Не белы снеги
Во чистом поле
Забелилися...**

— зазвучало русское раздолье, русская тоска. На мгновение «несуразная» мысль мелькнула у царя: а могли бы такие вот Филатки взбунтоваться? Смешно! За свое государство он спокоен, а вот там... Он встал, а в ушах еще долго возникал повелительно-истеричный вопль Мордашева — Мартынова: «Я так хочу! Ни слова, ни полслова, ни четверть слова...»

тоже положили за каждое представление рубль пятьдесят. Кто-то уж грозил карикатуру нарисовать. На подмостки выходит известный комик Мартынов, а навстречу ему — кошка. Однако, увидев физиономию артиста, воздержались, конечно, подшучивали беззлобно собравшиеся актеры.

Только тогда прибавилось к нему уважения, признания не только зрителей, но и прессы, когда пожаловал к нему в уборную большой писатель — Иван Сергеевич Тургенев. Восхищаясь, говорил, что во всей Европе нет равного ему по душевности, мягкому юмору, тонкому лиризму.

Дружба с Александром Николаевичем Островским, Потехиным, Чернышевыми и многими другими писателями вселила веру в свои силы, давала радость ни с чем не сравнимую. Артист чувствовал себя в центре духовной жизни своего времени. Одно плохо — здоровье подорвано вконец...

Злая чахотка грызет... Вот и сегодня знобит, слабость, душно что-то и не хочется ничего видеть. Решил пройтись пешком по столичным улицам, глотнуть свежего воздуха, поразмыслить... Ведь еще и сейчас не удается ему сыграть по настоящему драматическую

писал стихи в его честь, и были в них смелые, дорогие слова:

**Свободную семью
людей свободных
Мартынов вокруг себя
в тот день соединил...**

Шел артист по городу, который любил и знал... Мимо театральной школы, где его, еще восьмилетнего тшедушного мальчишка, муштровал знаменитый балетмейстер Дидло, а он так мечтал из балетных классов перейти в драматический! Нелегко это далось, не сразу.

А там, в драматическом, учил его Петр Каратыгин, и попал он, Мартынов, в театр на ампула комика...

Начало моросить. Мартынов прибавил шагу. И вдруг задержался около одного дома. Именно здесь, кажется? Да, здесь приключился с ним анекдотический случай. Нашел подходящую квартиру в этом доме. Договорились обо всем, а под конец хозяин спрашивает: а как ваше отчество и фамилия? Назвался. А тот этак пристально: не изволите слушать в театрах? Да, это я и есть... Ага, разъярился старик. Так ты, сударь, и есть скомоорох Мартынов? Внучки мои видели тебя в прошлом месяце, пришли, хохочут. Дедушка, говорят, Мартынов вас представлял: и голос ваш, и глаза и халат, и движения, и хохотали все, просто животик надо рвали. Ну, уж как хочешь, а представь меня сейчас, я погляжу. Покани-тно прыть

ДАЛИ ИСКУССТВА

ГРУСТНЫЙ КОМИК

сколько дней после вышеупомянутого бала царь намеревался посетить театр. Но вместо любимого Михайловского, где выступала французская труппа, подаваясь безотчетному чувству неприязни ко всему, что приходит «оттуда», из крамольной Франции, Николай с семейством отправился в Александринский...

Театр был полон. Сначала играли водевиль П. Федорова «Аз и Ферт».

Подняли занавес... По сцене шествует в халате и домашних туфлях приземистый седоватый сумасброд, жизнь которого пуста и неинтересна. Мелочность и скука жизни порождают в нем желчность и упрямство. Пережитые в прошлом обиды, необходимость унижаться перед вышестоящими рожают в нем желание хоть дома-то «поставить на своем». Шагая от буфета к столу и от стола к дивану, Мордашев занят наведением порядка в доме, вершит судьбы своих близких.

Вначале взрывы смеха сопровождали яркую мимику, выразительные жесты артиста. Но постепенно все больше заставлял задумываться художественно воссозданный характер домашнего деспота, мелкого тирана. Как безразлично жить под властью этого раздражительного самодура! Конечно, молодые влюбленные сумели все же переиграть его, устранить препятствие к своему счастью — на то и водевиль. И все-таки... Запомнились не куплеты, забавные ситуации, а визгливый, назойливо повторяющийся окрик Мордашева: «Я так хочу! Ни слова, ни полслова, ни четверть слова!»

Царь был недоволен. Однако игра производила впечатление. «Кто лицедействует?» — тихо спросил он. Услужливый шепот: «Господин Мартынов — наш комик, ваше величество».

Что-то неприятное пощудилось государю в этом столь верно изображении пусть микроскопического, домашнего, но все же деспота. И притом что за нравы, что за водевиль? Где же веселье, гривузанность, ликантность, милые шалости?

Занавес опустился. Государь лениво сомкнул ладони, подавая сигнал — можно приветствовать актеров. Раздались бурные аплодисменты сверху, с галерки, из лож третьего яруса, где, как обычно, располагались мелкие чиновники, студенты, меценаты. Оттуда слышались возгласы: «Браво, Мартынов!» Занавес вновь неся

Исподволь, потихонечку приближалась теплая, но сырая весна 1859 года. Поздним вечером, после спектакля, Александр Евстафьевич Мартынов, сидя перед зеркалом в своей уборной, медленно, вдумчиво разгирмировывался, глядялся в свое исхудавшее лицо. Что-то все чаще нездоровилось ему в последнее время. Уставал, но сегодня на душе было светло. Только что отгремели овации. Сегодня он играл одну из любимых своих ролей. Недаром говорили, что Иван Егорович Чернышев пишет пьесы специально для него. Ну, может, это преувеличено, но факт, что одноактная комедия «Жених из долгового отделения» пользуется неизменным успехом у публики, да и он сам, играя маленького, беззащитного человека, неимущего неудачника Ладжикина, испытывал истинное удовлетворение. Сочувствует он таким людям, хочется привлечь внимание к их страданиям, вступить за их человеческое достоинство.

Очень смешон был бедный чиновник Ладжикин, а все же постарался Мартынов вложить в свое исполнение глубокую жалость к нему, сострадание. И сам чувствует, что в финале в зрительном зале воцаряется тишина, смех замирает... Иногда даже всхлипывания угадываются, когда удается со всей силой произнести в финале: «Нигде нет удачи, нигде нет счастья!» Вот и сегодня принесил записку от группы студентов о том, как восхищаются они его умением передать трагедию повседневности, будни простого человека, как напоминает его Ладжикин героя гогаевского «Шинели» Акакия Акакиевича.

Мартынов задумался: много он повидал таких, неизвестно за что страдающих бедных людей, да ведь и сам прожил полную нужды, материальных лишений и нравственных мук молодость. Иногда роль учил при свете месяца. Не было денег на свечи. Да и сейчас вот надо бы просить прибавку к жалованью. Да как вспомнишь высокомерно-казенное обращение начальства — сердце замирает. Не очень-то жалуют его в конторе императорских театров. Гордость не позволяет ему вновь обращаться туда. Еще ведь недавно над ним подшучивали в театре. Платили ему сверх жалованья за каждый сыгранный спектакль один рубль пятьдесят копеек. А тут в одном водевиле понадобилась кошка, так ее хозяину

роль. Стоит выйти на сцену — публика по привычке смеется... Недавно Алексей Феофилактович Писемский доверительно, дружески читал ему свою еще неоконченную драму «Горькая судьбина» — советовался, готов был конец переделывать так, как рекомендовал он, Мартынов, но искренне изумился, когда Александр Евстафьевич выразил желание сыграть Анапия — роль поистине драматическую... Актер имеет право на все — и на смех, и на слезы, но ему все еще приходится это доказывать...

Выйдя на улицу, зашагал по влажному, черному тротуару. Был ли за 43 года его жизни по-настоящему счастливый день? Был совсем недавно, 10 марта, когда в его честь устроили торжественный обед. Этот праздник вознаградил его за многое, но и больно стало. Еще острее вспоминались обиды, удары по самолюбию. Как он рыдал после того обеда, как рыдал, словно прорвалось наружу все затаенное, стиснутое внутри Тургенев и Салтыков-Щедрин утешали его лавровым венком. Ленты венка подерживали Л. Толстой и Гончаров. Потом обед. Пламенную речь за обедом произнес Островский: «Самую большую благодарность должны принести вам мы, авторы нового направления в нашей литературе...» А Дружинин сказал: «Мы чтим в вас не только артиста, одаренного великим талантом, но и мужественного бойца за честь русского искусства...» И Некрасов на-

свою! Гримаса искажала его лицо... Ну и бежал я тогда от него, с грустной улыбкой вспоминал артист. Долго было тошно, противно, горько. А теперь... Пожалуй, можно счесть и за комплимент натуральности изображения, которого достиг. Не раз уж говорили мне, что узнают окружающих в моей игре. Затосковал что-то один, но хорошо иногда и подумать, и по-вспоминать...

2 декабря 1859 года сбылась заветная мечта Мартынова. На сцене Александринского театра впервые шла «Гроза» Островского. Здесь в полную силу проявился драматический гений артиста. Он так сыграл Тихона, такого трагизма достиг в финале, что десятилетия спустя присутствовавшие на том спектакле вспоминали леденящий душу крик его: «Вы ее погубили! Вы, вы». И далее: «Хорошо тебе, Катя! А я-то зачем остался жить на свете, да мучиться?» Тихон Мартынова искренне любил Катерину, жалел, но ничем помочь не мог. Наряду с ней он был жертвой темного царства.

Бурные овации встретили артиста. Бледный, выходил он кланяться, доказав свое право не только на смех, но и на слезы, на сочувствие зрителя.

Летом 1860 года, усталый, измученный болезнью, Мартынов в сопровождении Островского ехал в Крым. Однако и это был не отдых, а гастрольная поездка. Совсем плохо стало ему в Харькове. 16 августа в возрасте 44 лет на руках у своего друга — великого драматурга он скончался. Тело привезли в Петербург. Похороны вылились в настоящую демонстрацию. Люди окружили дроги с гробом. Выпрыгив лшадей и повезли похоронную повозку сами. На тротуарах народ собирался, присоединялся к процессии. Движение в центре города пришлось приостановить. На Невском встречным кричали: «Шапку долой! Мартынова везут!»

Народ провожал в последний путь любимого актера, защитника угнетенных, униженных, поборника личности «маленького человека», грустного комика Александра Мартынова.

А. ДУБИНСКАЯ